

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ЮБИЛЕИ

УДК 929 Леонов+394.46

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-10-146-167>

Наш уникальный научный собрат. К 80-летию Валерия Павловича Леонова

Ю. Н. Столяров

*Российская государственная библиотека, Москва, Российская Федерация
Научный и издательский центр «Наука» РАН, Москва, Российская Федерация
ГПНТБ России, Москва, Российская Федерация, yn100@narod.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Аннотация. На основе сборника научных трудов крупного книговеда, библиографоведа и библиотековеда В. П. Леонова, до недавнего времени многолетне-го директора Библиотеки РАН, пользующегося широкой международной известностью и безупречной научной репутацией, изображён его уникальный творческий портрет. Письменность, книга, библиотека трактуются им эзотерически. Большое внимание в его работах уделяется феномену серендипности, или инсайта. Им предложена процессная концепция библиотековедения, причём – впервые в российской и советской практике – на уровне высших органов Российской академии наук. В трудах В. П. Леонова прослежен трудный путь утверждения истинного профессионала в библиотечном сообществе, подкреплённый собственным опытом.

Ключевые слова: Леонов Валерий Павлович, Библиотека Российской академии наук, космический разум, книговедение, библиографоведение, библиотековедение, серендипность

Для цитирования: Столяров Ю. Н. Наш уникальный научный собрат. К 80-летию Валерия Павловича Леонова / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. 2022. № 10. С. 146–167. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-10-146-167>

MEMORIAL DATES. JUBILEES

UDC 929 Леонов+394.46

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-10-146-167>

Our Unique Scholar Fellow. On the occasion of the 80-th anniversary of Valery Pavlovich Leonov

Yury N. Stolyarov

*Russian State Library, Moscow, Russian Federation
Science and Publishing Center "Nauka"
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Russian National Public Library for Science and Technology,
Moscow, Russian Federation,
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Abstract. The unique portrait of Valery P. Leonov, outstanding bibliologist, bibliography and library scientist, former long-term director of the Library of the Academy of Sciences is based on the digest of his scholarly works. Valery P. Leonov enjoys word-wide popularity and impeccable scholarly reputation. He interprets the written records, book and library esoterically. He pays serious attention to the phenomenon of serendipity or insight. It was he who introduced the process-oriented concept of library science, and he advocated his concept at the highest bodies of the Russian Academy of Sciences. Valery P. Leonov's works, as well as his personal experience evidence on the way of high-caliber professional in the library community.

Keywords: Valery P. Leonov, Library of the Russian Academy of Sciences, cosmic mind, bibliography, bibliography science, library science, serendipity

Cite: Stolyarov Yu. N. Our Unique Scholar Fellow. On the occasion of the 80-th anniversary of Valery Pavlovich Leonov / Yu. N. Stolyarov // Scientific and technical libraries. 2022. No. 10. P. 146–167. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-10-146-167>

Эта статья не есть традиционная рецензия на книгу, привлекающую весьма своеобразным подходом к пониманию книги, библиотеки,

библиографии и библиофилии. Писать рецензию на сборник избранных трудов Валерия Павловича Леонова [1] – дело трудное и для меня не вполне сподручное: в сборнике девять частей, охватывающих широкий круг вопросов, которые являются предметом научного интереса автора. Основную их часть составляют вопросы библиографоведения, библиофилии, однако уровень моей квалификации в этих вопросах оставляет желать лучшего. К тому же на сборник избранных трудов В. П. Леонова уже опубликованы рецензии, из которых можно получить исчерпывающее представление о его содержании и научных заслугах автора [2].

Через призму «Избранного» как квинтэссенции самого ценного, что создано в течение жизни, не считая монографий, согласно оценке самого Валерия Павловича, хотелось бы нарисовать его творческий портрет. Из всего многообразия находящихся в авторском поле зрения проблем ограничусь, однако, только теми, что мне ближе: вопросами книговедения и библиотековедения, а также соображениям В. П. Леонова в отношении нелёгкой участи директора-профессионала.

Эзотерическое видение книги и библиотеки

Полностью солидаризируюсь с В. П. Леоновым в понимании письменности как чисто человеческого феномена. Мало того: письменности как самого выдающегося явления среди всех достижений цивилизации. Убедительно обоснование, со ссылкой на труды американского астрофизика К. Сагана (1934–1996), причин появления внешнего носителя человеческой памяти: когда мозг перестал вмещать всю информацию, нужную для выживания, люди научились записывать информацию на внешние носители.

Но дальнейшие утверждения В. П. Леонова вызывают вопросы. То он пишет, что перенос информации на внешние носители – достижение самого человека («...мы научились запасать огромное количество информации вне нашего тела») [1. С. 14], («я полагаю, что книга есть субъект, сотворённый человеком, его “вторая природа”») [Там же. С. 25], то предполагает, что «в психику человека изначально заложена некая схема книги, в которой уж отражены законы природы» [Там же. С. 15], что «идея изобретения письменности не принадлежит человеку. Письменность <...> была изобретена кем-то и показана человеку»

[1. С. 35]. Эти противоречивые постулаты, с симпатией ко второму из них, содержатся в произведениях с красноречивыми заглавиями: «Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе», «Книга как врождённая программа человека». Однако эпиграфом к последней статье взяты слова М. Н. Куфаева: «Книга – продукт человеческой психики и природа её психическая». А не космическая.

В том, что письменность дарована человечеству богами, люди были убеждены ещё на заре цивилизации. Об этом свидетельствуют мифы буквально всех письменных народов [3]. Для времени, когда научное объяснение происхождения алфавита ещё отсутствовало, такое обоснование вполне понятно. Приведённая в статье В. П. Леонова «Книга как космический субъект» цитата из остросатирического фантастического романа Дж. Свифта «Путешествие Гулливера в Лапуту» о том, как люди отказались от живых контактов в пользу предметного общения, представляет собой пародию, во-первых, на предметный язык, а во-вторых, на опыты изобретения универсального языка, популярные в пору, когда писался роман (первая четверть XVIII в.). Правда, жизнь показала и показывает целесообразность – в ограниченных масштабах – как знаков-предметов (когда над дверью мастерской вешали реальный сапог или ножницы; кольцо на пальце и сейчас означает: «Я в браке»; звёзды на погонах исчерпывающе информируют о воинском звании; букет, в котором количество цветов и каждый цветок или его цвет что-нибудь да означает), так и искусственных, особенно информационно-поисковых, языков. При распространении компьютерных технологий такая примитивизация языка, к сожалению, стремительно разрастается: словесные эмоции стремятся выражать автоматически вызываемыми смайликами.

Дальнейшие рассуждения В. П. Леонов строит исходя из допущения, что в сознание человека изначально заложена некая схема книги наподобие того, как в него заложен генетический код, и человек, прежде всего книжник, библиограф, «должен уметь почувствовать книгу, интуитивно её угадать» [1. С. 17]. Отсюда вытекает выведение книжного мира (книжного, библиографического и библиотечного дела) и отношение его к области искусства. При этом отмечается шесть принципиальных различий между искусством и наукой [Там же. С. 38], из которых видно, что творчество (эстетическое переживание как цель, интуи-

ция, уникальность, отрыв от традиции и т. п.) – удел избранных, а результаты науки (знание, понимание, рассудок, нормативность, следование стандартам и др.) позволяют пользоваться ими рядовому ремесленнику. Библиограф воспринимается окружающими как личность до некоторой степени эзотерическая, которая «за описаниями книг видит реальные издания, представляет их смысл, стиль, форму, связи» [1. С. 40].

Такой подход объясняет постоянные аллюзии к области музыки, другим видам искусства, художественной литературы, которые сопровождают творчество В. П. Леонова и находят отражение даже в названиях его произведений: «Мелодии необитаемого острова: послесловие к ещё не написанной книге», «Судьба библиотеки в России: роман-исследование», «Пространство библиотеки: Библиотечная симфония», «Bésame mucho: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства» и др. В конечном счёте «книга и чтение меняют строй души человека. Книжность выступает как хранительница высших смыслов мировой культуры, постижение которых является искусством» [Там же. С. 41].

Эти постулаты, методологически исключительно дорогие и важные для В. П. Леонова, объясняют причину прохладного отношения других представителей нашей сферы к его многолетним исканиям. Если книжно-библиотечные явления составляют предмет искусства, они должны стать предметом искусствоведческого анализа, а книговеды, библиографоведы и библиотековеды к нему не готовы. Кроме того, область книжно-библиотечно-библиографической работы включает в себя сильные элементы творчества (особенно это относится к библиографической эвристике), и в этом отношении В. П. Леонов глубоко прав. Всё, что относится к творческой составляющей нашей профессии, достойно самого тщательного изучения по трудам В. П. Леонова, и в этом плане он, к сожалению, сильно недооценён нашим сообществом.

Вместе с тем библиотековедение, библиографоведение и книговедение осознают себя как дисциплину научную, и по этой причине глухи к попыткам рассматривать её как область искусствоведения. Дисциплина нацелена на совершенствование технологических процессов, а это означает, что их ценность, особенно в глазах практиков, находится в прямой зависимости от унификации, стандартизации.

То, что в искусстве расценивается как не то чтобы недостаток, а просто как смертный грех – шаблон, рутинность, – в книжно-библиотечной практике рассматривается как наивысшее достижение. Потому-то представители этой специальности, за вычетом разве только того, что связано с искусством книги, с таким упорством и энтузиазмом вот уже много десятилетий расширяют и совершенствуют СИБИБД.

Рассуждения и размышления В. П. Леонова обогащают философию Библиологоса, и вывод о книжности как хранильнице высших смыслов мировой культуры, думается, по достоинству способен оценить главный идеолог философии Библиологоса Аркадий Васильевич Соколов. С этой точки зрения особенно притягателен тезис о том, что «в пространстве каждой библиотеки действуют свои силы притяжения, обусловленные её особенностями, её задачами, функциями и составом читателей» [1. С. 49]. Эта мысль заложена в статье с философским акцентом – «О гравитации печатной и электронной книги» [Там же. С. 44–56]. Достоинство закрепления в нашем профессиональном языке и введение им понятия серендипности – интуитивной прозорливости, или способности делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего не искал намеренно (в работах по библиотечному фондоведению это свойство называют детонационностью систематизированного собрания документов [4; 5. С. 43; 6. С. 99; 7. С. 51]).

Своеобразный подход к пониманию сущности Книги, социальному предназначению Книжника определяет и трактовку В. П. Леоновым общественной миссии и будущего библиотеки.

Предмет библиотековедения

Прежде всего хотелось бы отметить, что В. П. Леонов выступает как основоположник оригинальной концепции сущности и социального предназначения библиотеки, радикально отличающейся от традиционно существующих и развивающихся в мировом библиотековедении.

Несмотря на новизну, оригинальность и даже некоторую экстравагантность взглядов В. П. Леонова, библиотековеды (я в том числе) в рецензиях на его многочисленные книги обходят вниманием публикации на эту тему, ограничиваясь пересказом. В лучшем случае для подкрепления собственных мыслей приводят цитаты из трудов В. П. Леонова. Но обстоятельного, аргументированного анализа его ключевых

идей или системного видения концепции в целом специалисты избегают. Между тем концептуальные позиции В. П. Леонова заслуживают пристального внимания уже хотя бы потому, что с докладом о новой парадигме библиотековедения он выступал не где-нибудь, а на заседании Президиума Санкт-Петербургского Научного центра (1994) [1. С. 98–117]. Со своими идеями выступал он и на годовом общем собрании Академии наук СССР (1990) [Там же. С. 93–97]. Кто из представителей нашего профессионального сообщества удостоился такого почёта?! К тому же, по словам академика Ж. И. Алфёрова, «и в первом, и во втором случае это был прецедент, потому что проблемы библиотечной науки в академической среде никогда ранее не рассматривались» [Там же. С. 441].

Валерий Павлович представил будущее библиотеки как предмет научного изучения [Там же. С. 118–141; 213–230; 231–242], причём подошёл к этому вопросу с учётом и широко освоенных в отечественной практике методов библиотечных исследований, и методов, применяемых библиотековедами США [Там же. С. 84–92].

Пожалуй, единственным библиотековедом, который взялся проанализировать взгляды В. П. Леонова, оказалась Е. Ю. Гениева – при жизни в качестве библиотековеда недостаточно оценённая личность, хотя она была доктором педагогических наук по специальности *Библиотековедение, библиографоведение и книговедение*. Думается, имеет смысл изложить её оценку, которая содержится в докладе «Концептуальные модели библиотеки», прочитанном на Тринадцатой международной конференции «Крым–2006» под названием «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» (2006) [8]. Под расширенным заглавием «Концептуальные модели библиотеки: объект, предмет и методология исследования» он тогда же был опубликован в журнале «Научная и техническая информация» [9].

Е. Ю. Гениева рассматривает теории Ю. Н. Столярова, В. В. Скворцова и В. П. Леонова с точки зрения объекта, предмета и методологии исследования. Объект исследования, согласно Е. Ю. Гениевой, имеет онтологический статус, а предмет и методология зависят от исследователя. Методология может носить как имманентный, так и объяснительный характер. Теорию Ю. Н. Столярова она относит к имманентному

типу, на базе системного подхода позволяющему выявить сущностные свойства библиотеки «вообще». Концепции В. В. Скворцова и В. П. Леонова квалифицируются как каузально-генетическое объяснение свойств библиотеки с точки зрения информационной и познавательной парадигмы. Ценно замечание, что в своих рассуждениях В. П. Леонов применяет герменевтический подход – слабо освоенный в библиотековедении.

Концепция библиотеки, по В. П. Леонову, выглядит в её интерпретации следующим образом. Библиотека состоит, как минимум, из трёх элементов: 1) первичных текстов, созданных всем человечеством; 2) читателя, который испытывает в них потребность, и 3) библиотекаря – того, кто формирует «тексты о тексте» (собственно, создаёт саму библиотеку), благодаря чему первичный текст становится доступен читателю. Универсальным принципом связи между элементами является «понимание».

Первичные тексты – это не документы в привычном для библиотечников понимании: тексты содержат в себе бесконечное число интерпретаций (объективное знание), однако находятся в латентном состоянии до тех пор, пока на них не обратит взор человек. Поскольку перед огромным количеством первичных текстов он беспомощен, ему требуется посторонняя помощь в лице библиотекаря.

Есть, согласно Е. Ю. Гениевой, ещё второй тип связи – связь текста и читателя. Она опосредована «метатекстом» – библиотекой. Библиотека – та дверь, через которую читатель допущен к тексту. Библиотеку можно считать и матрицей, через которую видны основные свойства первичного текста, что позволяет читателю выбрать его из множества других и соединиться с ним в процессе чтения-познания. Смысл работы библиотеки состоит в создании вида и типа этой матрицы.

Способом структуризации, или принципом, определяющим устройство библиотеки, у В. П. Леонова выступает, как отмечает Е. Ю. Гениева, синтаксис библиотеки. В идеале он организует библиотеку таким способом, что её физическая структура соответствует структуре организации мысли. С этой идеей сочетается известное предложение Н. А. Рубакина о построении энциклопедической библиотеки, которая «развернёт перед читателем не только систему наук, не только покажет самим расположением отделов в каталоге их связь и соотно-

шение – она развернёт практическую возможность для каждого читателя по любой науке идти вперёд и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю» [10].

При построении библиотеки библиотекарь руководствуется интуитивным озарением, инсайтом, или «серендипностью». Поскольку этот метод свойствен только искусству (музыке, поэзии), то работа библиотекаря сродни творчеству.

В рассуждениях В. П. Леонова Е. Ю. Гениева усматривает влияние постпозитивизма, исходящего из того, что человеческое знание имеет два уровня. Первый – это объективное, деперсонифицированное знание, отрефлексированное (то есть выраженное в понятиях и суждениях), содержащееся в уже оформленных текстах. Второй уровень – это «неявное знание», «неартикулированный и не поддающийся полной рефлексии слой человеческого знания-умения» [11].

Библиотека ограничена физически и в то же время беспредельна – в том смысле, что ежеминутно устанавливает связи между бесконечным множеством текстов-знаний, а также между миром библиотекарей и миром читателей.

Библиотека XX в., рассуждает Е. Ю. Гениева далее, исчерпала себя как исключительно рациональная институция. Развиваться она может по нескольким сценариям. Первый, предложенный ещё Г. Уэллсом, – это учреждение «Мирового мозга», – такой организации, которая станет непрерывно пополнять всемирную энциклопедию, осуществляя при этом не только сбор, но и индексирование, синтезирование и передачу текстов.

Второй сценарий, подсказанный работами Х. Л. Борхеса, – это создание своеобразной Вавилонской библиотеки, в которой содержались бы «абсолютно все книги – не только уже написанные, но и каждая страница и каждый том из тех, что ещё предстоит написать, и даже – это, пожалуй, самое важное – из тех, что могли, но никогда не были написаны». Символом такой библиотеки будет Книга, которая есть не что иное, как «сумма точек зрения на книгу, сумма интерпретаций».

Третьим сценарием является «библиотека реальных возможностей», состоящая из «феномена человека» (библиотекарей и читателей), «феномена текстов» (текстов, преобразованных в цифровую форму – электронных фондов), и «феномена технологической реальности»

(механизмов доступа к цифровым текстам и средств обеспечения сохранности электронных фондов), связанных по «принципу смыслового единства, позволяющего индексировать фонды по правилам общего синтаксиса, строить аппараты общих ссылок и т. п.». Решающая роль в такой системе будет принадлежать не механизмам, а библиотекарям самой высшей квалификации, которые «увидят» это смысловое единство новой конструкции и облекут его «в форму, доступную пользователю».

Е. Ю. Гениева несомненное достоинство модели В. П. Леонова усматривает в корректном синтезе нескольких методологических языков – эпистемологии (главным образом в её постпозитивистском варианте), герменевтики, искусствоведения. С точки зрения методологии модель В. П. Леонова относится к классу объяснительных, она выводит библиотеку из двух оснований (парадигм) – внешней по отношению к библиотеке проблематике теории познания и внутрибиблиотечной библиографоведческой теории, причём вторая находит в первой подтверждение и убедительное объяснение.

Сильная сторона леоновской концепции видится Е. Ю. Гениевой ещё и в том, что она чутко улавливает глубинный смысл реальных проблем, ощущаемых современными библиотеками, – возрастающую потребность в создании и объединении метаданных («текстов о текстах», в терминах В. П. Леонова), облегчающих ориентирование в разросшихся объёмах информации, а также необходимость повысить роль квалифицированных библиотекарей в интерпретации знаний.

Однако этот плюс, по мнению Е. Ю. Гениевой, оборачивается и минусом: В. П. Леонов выстраивает все отношения в библиотеке с точки зрения библиографоведения и его задач, а потому затрагивает лишь часть существующих проблем. В схему «познавательной» парадигмы не ложатся, к примеру, многие социальные функции, регулирующие отношения библиотекарь – читатель, осуществляемые не по линии «герменевтики», а по линии чисто человеческого общения. За рамками концепции находится проблема библиотечной этики, проблема рекреационных потребностей и многие другие вопросы, касающиеся читателя. Не осмыслена и сущность читателя «библиотеки реальных возможностей»: то ли он самостоятельный субъект «процесса понимания», то ли объект воздействия со стороны всеведущего и гораздо более просвещённого библиографа, формирующего метаматрицу, кото-

рую читателю предстоит принять как готовый инструмент ориентации в мире смыслов.

Модель В. П. Леонова исследует лишь часть целостного объекта, а именно его гносеологическую часть. Для того чтобы его теория получила признание, необходимы:

- 1) проверка выдвинутых им положений реальной практикой;
- 2) наличие последовательности и доказательности выдвигаемых постулатов, а не гипотетических посылок и предположений;
- 3) осознание самим исследователем чётких границ применения его концепции.

От тех, кто эти теории оценивает, требуется понимать, что зачастую наше неприятие новаторских идей может диктоваться стереотипами мышления. Ведь в мире не существует теорий, которые объясняют «всё» и «раз и навсегда». Во всех теориях можно выявить как положительные черты, так и недостатки. Без возникновения новых теорий наука прекратила бы своё существование.

Из приведённых рассуждений можно сделать вывод: идеи и труды В. П. Леонова в целом не анализируют потому, что критики не доросли до постпозитивистского склада мышления и оказываются бессильны перед новым уровнем трактовки библиотечных, библиографических и книжных реалий. Могу чистосердечно признаться: и мне непостижимо, что представляют собой реально, физически, а не метафорически (да даже и метафорически) книги «не только уже написанные, но и каждая страница и каждый том из тех, что ещё предстоит написать, и даже – это, пожалуй, самое важное – из тех, что могли, но никогда не были написаны». Рационально (готов согласиться, если это слово будет заменено на «приземлённо») мыслящему человеку затруднительно согласиться, что Книга – это... не Книга! А «сумма точек зрения на книгу, сумма интерпретаций». Лично я пасую иметь дело с читателями «по линии герменевтики» и был бы рад пообщаться с теми, кто умеет взаимодействовать с ними таким образом. Я воспринимаю постулаты такого рода как свойственные людям искусства; выдуманные Борхесом художественные красоты обсуждать на научном уровне не готов.

Утверждения подобного рода выдают В. П. Леонова как личность с художественным складом натуры, оправдывающую восприятие книжных, библиотечно-библиографических явлений в понятиях музыки и

иных видов искусства. С этой позиции становятся понятными его многочисленные обращения к произведениям художественной литературы, образность заглавий его книг и статей: «Bésame mucho: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства», «Мелодии необитаемого острова: послесловие к ещё ненаписанной книге», «Судьба библиотеки в России: роман-исследование», «"Чёрный квадрат" и мобильная библиотека: опыт прочтения», «Движение души: о возможности поэтического книговедения» и др. В. П. Леонов рассматривает наши дисциплины под иным углом зрения – воспринимая их как своеобразные проявления творчества, искусства и поэтому распространяя на них положения и логику этого специфического вида духовно-практического освоения и эстетического отношения к действительности. Обладая художественными задатками, ассоциативным складом мышления, он имеет на это право, и прочим остаётся ему позавидовать. Монографию «Пространство библиотеки. Библиотечная симфония» (2003) для него естественно воспринимать в музыкальных понятиях, ставших наименованиями глав: «Allegro moderato», «Andante», «Largo», «Finale. Allegro». Нам, остальным, такое, увы, не дано. В нашей среде представлены сухие рационалисты (за вычетом разве что А. В. Соколова, смело включающего лирические пассажи в свои логически строго выстроенные постулаты).

Вместе с тем такой подход возлагает на идеолога нового видения нашей дисциплины и нашей специальности соответствующие обязательства. Вот уже более сорока лет творчество в науковедении рассматривается как точная наука [12], и от основоположника этой науки в нашей области мы вправе ожидать её разработки в этом ключе или, по крайней мере, обозначения того, каким образом, в какой последовательности следует её изучать. Во всяком случае, если художественные прозрения Х. Л. Борхеса совместить с более ранним (начало XX в.) и рационалистическим подходом философа и физика – строгого материалиста К. Э. Циолковского, выраженным в его трудах «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы» [13], «Гений среди людей» [14], «Горе и гений» [15], «Монизм Вселенной» [16] и им подобных, да ещё наложить всё это на учение А. В. Соколова о Библиологосе, где исходным является пункт «в начале был Логос», то окажется, что мы действительно стоим на пороге качественно нового прорыва в осмыслении

того, чем занимаемся всю профессиональную жизнь. Для начала придём к выводу, что естественный космический разум неизмеримо богаче сколь угодно совершенного разума искусственного.

В новейшей статье «Новые горизонты науки о книге и библиографии» [17] автор развивает идею книги как изначально заложенной в организме человека. Если задача автора состоит в способности извлечь её содержание, то задача библиографа – заполнить разрыв между книгой и библиографией. Книга представляет собой организованную субъективную нервную сеть мозга (когнитом¹). Библиография – гиперсеть, то есть высокоуровневая структура субъективного опыта – книги. Увы, я подготовлен слишком слабо, чтобы принять эти постулаты.

В предложенных Е. Ю. Гениевой терминах все мы, за исключением В. П. Леонова, обычные, заурядные позитивисты, – даже не постпозитивисты, неопозитивисты или неорационалисты. Ведь мы исходим из того, что надёжными и ценными являются исключительно те знания, которые получены в ходе бесстрастного научного познания мира. В стремлении познавать мы отстраняемся от эмоций и настроений, аллюзий к образам искусства и беллетристики, используя их – в редких случаях – всего лишь как стилистический приём для более эффектного выражения строго научной мысли. Вот поэтому и не видно среди нас явных сторонников и прямых последователей леоновской парадигмы книжно-библиотечно-библиографического мира. Вместе с тем отсутствуют и те, кто активно возражал бы против развиваемого В. П. Леоновым художественного подхода к осмыслению предмета нашего внимания, его представления как деятельности, отражающей реальность и одновременно творящей такую реальность с использованием образных средств выразительности.

¹ Когнитом (от лат. *cognitio* – познание, изучение, осознание) – термин, предложенный нейробиологом, членом-корреспондентом РАН и РАМН Константином Владимировичем Анохиным для обозначения совокупности познавательных способностей мозга, который в 1980-х гг. обнаружил гены, активирующиеся в головном мозге при обучении и формировании памяти. Им доказана роль этих генов, принадлежащих к семейству «непосредственных ранних генов», в фиксации разных форм долговременной памяти и устойчивых патологических состояний нервной системы. Выдвинута и экспериментально обоснована схема молекулярного сигнального пути «непосредственных ранних» – «поздних» генов, лежащего в основе консолидации всех известных форм долговременной памяти.

В. П. Леонов – своего рода уникам, и воспринимать его надо исходя из критериев, выдвигаемых к деятелям искусства. Такие личности ценны именно тем, что они единственны, неповторимы. К сияющим научным вершинам они поднимаются собственной дорогой, а лучше сказать словами К. Маркса: не страшась усталости, карабкаются по каменистым тропам.

При всём сказанном однозначное отнесение В. П. Леонова к ряду постпозитивистов представляется всё же довольно искусственным, поскольку, во-первых, в его трудах рациональное ядро библиотековедения, книговедения, библиографоведения под сомнение не ставится. Во-вторых, ему в очень большой степени свойствен и классический подход к исследованию книги, библиотеки и библиографии, и с этой точки зрения с ним вполне можно вести диалог в привычных для нас понятиях и логических построениях. В том, что относится к механизмам свёртывания информации, методам автоматического реферирования научно-технической литературы и использовании современных технологий в управлении библиотекой, он вполне понятный нам классический библиографовед, библиотековед. В этом качестве он признан в международном сообществе, пожалуй, больше, чем кто-либо другой из нас: из трёх сотен опубликованных им научных работ многие опубликованы или переведены за рубежом.

Как уже упоминалось, для меня наибольший интерес представляет вторая часть сборника его избранных трудов – «Библиотековедение как фундаментальная наука».

Первая статья в этой части – «О методах библиотеческих исследований в США» – представляет собой квалифицированный анализ поднятого вопроса, построенный на американских источниках. В. П. Леонов – один из немногочисленных представителей нашего цеха, кто углублённо следит за теоретическими публикациями западных авторов и широко вовлекает их труды в орбиту собственных теоретических построений.

Отдельного анализа достойно его выступление как руководителя БАН – этого старейшего в нашей стране научного учреждения – на годовичном собрании Академии наук СССР 22 марта 1990 г. Он хотел донести в этом выступлении главное: Академия наук должна осознать, что академическая библиотека замышлялась как душа всей Академии,

её неперемный и бесценный научный инструмент, а она с некоторых пор оказалась фактически бесхозной. С особой отчётливостью это вы­явилось после беспрецедентного грандиозного пожара 1988 г. Его прочувствованная и строго доказательная речь оставила академик­ов равнодушными, что подтвердил следующий, ещё более губитель­ный пожар – в 2018 г., в Библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН.

Можно представить степень ответственности, с которой он отнёсся к выступлению в 1994 г. на заседании Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН по теме «О новой парадигме библиотековедения». Существующий подход, названный им функциональным, как полагает докладчик, себя исчерпал, он не способен преодолеть кризис в библиотековедении. Функциональную парадигму предложено заменить процессной, или творящей. Самое ценное в этой концепции, с моей точки зрения, состоит в отнесении библиотековедения, библиографоведения и книговедения в класс социально-коммуникационных наук [1. С. 101]. Я издавна разделяю эту позицию и считаю её наиболее адекватной и перспективной. Если бы её приняли и остальные члены нашего научного сообщества, мы получили бы возможность дружными рядами защищать её место в государственной Номенклатуре научных специальностей.

В. П. Леонов, однако, говорит об этом мимоходом. Важнее, по его убеждению, в изучение основных библиотечно-библиографических процессов ввести темпоральный фактор – время реализации каждого процесса. Действительно, всякий процесс протекает во времени, и это «даёт возможность прогнозировать его развитие и поведение» [Там же. С. 102].

Это предложение правомерно считать продвижением вперёд в исследовании библиотечно-библиографических процессов, но для того, чтобы процессный подход считать заменой существующих парадигм, оснований недостаточно. Об этом свидетельствует весьма вялое об­суждение предложенной парадигмы (в сборнике опубликована полная стенограмма). Так, библиотековед Б. Ф. Володин посчитал, что важнее сосредоточиться на взаимодействии между библиотеками, музеями и архивами. Актуален и исторический подход к осмыслению проблем библиотечной теории и практики. Мэтр А. В. Соколов уклонился от об-

суждения высказанной идеи: «Я не думаю, что новую парадигму можно и нужно сегодня содержательно обсуждать, Президиуму достаточно ограничиться тем, чтобы дать В. П. Леонову благословение на продолжение творческого подхода к исследованию библиотечной науки» [1. С. 113]. Академик Н. Н. Никольский отверг само слово «парадигма» и сосредоточил внимание на мемориальной функции библиотек. Председательствующий на заседании (академик Ж. И. Алфёров) посчитал, что если процессную парадигму и принимать, то следует озаботиться осмыслением реально происходящего процесса смены информационных технологий и возможностей их использования в библиотечном деле.

Как бы то ни было, академическое благословение В. П. Леонов получил. Его собственная процессная разработка получила отражение во многих трудах, в том числе опубликованных в рассматриваемом сборнике: «Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций», «Библиографический процесс и время (к постановке вопроса)», «Библиографическое мышление как процесс», «Библиография как часть литературного процесса» и др. Но последователей концепции процессной парадигмы ни в библиотековедении, ни в книговедении, ни в библиографоведении, к сожалению, не наблюдается. Это лишний раз свидетельствует о В. П. Леонове как об уникале нашей отрасли.

Следующая статья в этом разделе – «Будущее библиотеки как предмет изучения» (2012). В ней представляет интерес разграничение понятий «будущее библиотеки» и «библиотека будущего». Основной пафос статьи состоит в обосновании важности изучать эволюцию библиотеки как социального феномена, форм расширения свободы доступа читателей к библиотечным фондам, а также роли личностного фактора в развитии библиотек. Отдельно рассмотрен вопрос о расширении информационных технологий в библиотечной деятельности (Ж. И. Алфёров оказался прозорливцем). Библиотеку В. П. Леонов понимает как живой организм, целостность тела, души и действия [Там же. С. 135]. Здесь он снова уклоняется в область психологии и художественной литературы, и мне остаётся только выразить уважение тому, кто в каждой книге видит бессмертное святилище, в котором «живут души тех, кто её писал, кто её читал и жил с нею в своих мечтах» [Там же. С. 137].

Тема будущего – сквозная в творчестве В. П. Леонова. Он обращается к ней постоянно, ведётся ли речь об аспектах свёртывания библиографической информации, о концепции автоматической энциклопедии, о библиотеках и библиотечном деле в эпоху компьютеризации или иных.

В части «Библиографическая информация и проблемы её свёртывания» наиболее примечательной представляется «Концепция автоматической библиотеки». Это своего рода закономерный результат идеи автоматического реферирования, которым автор занимается десятки лет. Здесь он выступает прямым продолжателем идей и разработок П. Отле, Л. И. Гутенмахера, Т. Нельсона и других, преимущественно американских специалистов. В. П. Леонов в этом отношении находится на переднем крае современной компьютерно-технологической мысли.

Правда, лично на меня как эта идея, так и идея создания автоматически обновляемой безразмерной энциклопедии всё же навевают уныние: ведь если верить Х. Борхесу и его подражателям, такая и даже ещё более совершенная энциклопедия и целый библиотечный фонд уже существуют; на его полках стоят все написанные и ненаписанные книги. Впрочем, в их бесконечном количестве особой нужды, как представляется, и нет, поскольку «на некой полке <...> стоит книга, содержащая суть и краткое изложение всех остальных» [1. С. 290–291]. Но я уже признался, что принадлежу к сонму приземлённых позитивистов и рационалистов, мне не дано понять, где локализована эта библиотека и эта чудесная энциклопедия. Ещё больше удручает то, что скоро ими некому будет пользоваться: «человеческий род <...> близок к угасанию, а Библиотека сохранится: освещённая, необитаемая, бесконечная, абсолютно неподвижная, наполненная драгоценными томами, бесполезная, нетленная, таинственная» [Там же].

В профессиональной литературе развивается концепция так называемого дальнего чтения. Она представляется автору настолько важной, что он посвящает ей самостоятельную – шестую – часть своего сборника, названную «Концепция точного библиографоведения». В дополнение к известному всем пристальному чтению, или анализу текста на микроуровне, В. П. Леонов поддерживает термин «дальнее чтение», предлагая понимать под ним обновлённую методологию изучения мировой литературы [Там же. С. 277], предполагающую изуче-

ние этой литературы не путём последовательного чтения каждого произведения, а методом исследования литературных тенденций, приоритетов, закономерностей и т. д., базируясь на исследовании количественными методами сразу сотен и тысяч текстов. Эта идея логически вытекает из разрабатываемых автором методов автоматического аннотирования и реферирования. Она близка В. П. Леонову и потому, что непосредственно граничит с концепцией гипертекста. Автор обращает внимание на то, что библиографоведение стоит на пороге методологического поворота в своём развитии [1. С. 284].

Думается, что библиографоведам следует со всей серьёзностью отнестись к повороту, в котором на первое место ставится принцип «Не думай, а смотри». На мой взгляд, принятие новой парадигмы должно быть обусловлено главным образом наличием социального заказа на неё. Кроме того, она должна развиваться в содружестве с действующей парадигмой, высшей ценностью которой является всё-таки библиограф думающий, библиограф-аналитик и библиограф-синтетик.

Боюсь злоупотребить терпением читателя, но всё же отзовусь и о части седьмой «Библиотека Академии наук: опыт биографии». Всем известно, что В. П. Леонов – самый тщательный историограф БАН. В сборнике представлены лучшие из его статей, в которых осмысливается долгая и противоречивая судьба этой во всех отношениях замечательной библиотеки.

Самая привлекательная сторона этой части лично для меня – всё, что касается личности первого директора этой библиотеки – Иоганна Даниила Шумахера (1690–1761), поскольку на протяжении нескольких веков его имя было оболгано, оценка его деятельности искажена. По мрачному совпадению схожая участь выпала на долю и самого В. П. Леонова: после пожара в БАН (1988) ему тоже пришлось отмыться от многочисленных наветов и прямых обвинений. Об этом свидетельствуют многие статьи седьмой части, но, полагаю, достаточно сослаться всего лишь на заглавие одной из них: «В окружении искажений (как изучать историю Библиотеки РАН?)».

В заключительном аккорде книги (воспользуюсь музыкальным восприятием мира, свойственным В. П. Леонову) – разделе «Вместо эпилога» – привлекает его выстрадавший всем жизненным и профессиональным опытом горький вывод: «...такого нашествия дилетантов и

непрофессионалов, как в библиотечном деле, уверен, в мире больше нет нигде. Это печально, ибо их усилиями создаётся иллюзия, что дилетанты могут всё» [1. С. 537]. На их фоне директор-профессионал неизбежно выглядит белой вороной. Но ещё хуже, когда сложившееся ядро дилетантов составляет и ближайшее окружение нового директора. Именно они фактически господствуют на вершине управления библиотекой, и профессиональные преобразования директора встречаются в штыки, резко противясь утрате своих лидерских полномочий.

В. П. Леонов рассматривает технологию возникновения и развития в библиотеке внутреннего конфликта: «сначала активная утечка информации из администрации. Кто-то из трио [ближайшего окружения директора] выходит на первые контакты с узкими специалистами. У них появляются общие интересы. Затем на заседании, например, Учёного совета организуется “интеллектуальный саботаж” при обсуждении новых тем, предлагаемых руководством. Параллельно распускаются слухи о преобладании личных интересов директора над интересами родной библиотеки» [Там же. С. 541] и т. д. В итоге директор, слабый духом, сдаётся, становясь «свадебным генералом», а на сильного собирается компромат, во все инстанции летят «разоблачительные» письма, начинаются бесконечные проверки. Если директор выдерживает и это, в ход идёт самое действенное оружие: находится и пускается в ход обвинение в уголовном преступлении. В. П. Леонову как директору Библиотеки Академии наук пришлось пройти через все эти этапы, так что он знает, о чём пишет. Факт, что при всём том на пост директора его выбирали (не назначали!) четырежды (!), позволяет убедиться, что он человек беспримерной принципиальности и стойкости.

Как, подытоживая, оценить феномен Леонова в книжно-библиотечном мире? Сделать это очень трудно, и всё же рискну сказать, что как личность и учёный Валерий Павлович – человек выдающийся. Выдающийся нетривиальностью своего видения проблем книговедения, библиотекведения и библиографоведения, оригинальностью трактовки книги, библиографии и библиотеки. Среди всех принадлежащих к нашему цеху собратьев он более других обращается к западной научной мысли, черпая из неё (по им же описанному свойству серендипности) новые идеи и предложения. Очень возможно, что в главном он опережает время и в полной мере по достоинству будет

оценён в дальнейшем, когда наши родственные дисциплины выйдут на качественно новый уровень развития.

Список источников

1. **Леонов В. П.** Избранное / Библиотека РАН. Санкт-Петербург : БАН, 2021. 564 с.
2. **Зверевич В. В.** Универсум Леонова // Научные и технические библиотеки. 2022. № 2. С. 147–163.
3. **Столяров Ю. Н.** Исток первый: мифы разных народов мира о ниспослании письменности. Боги и герои – изобретатели письма // Столяров Ю. Н. Истоки книжной культуры / под ред. В. Я. Рушанина ; отв. за вып. Т. Ф. Берестова; Челябинский государственный институт культуры. Челябинск : ЧГИК, 2017. С. 22–58.
4. **Нестеров А. В., Иловайский И. В.** Детонационность как свойство библиотечного фонда // Научные и технические библиотеки. 1992. № 6. С. 7–10.
5. **Столяров Ю. Н.** Свойства библиотечного фонда // Научные и технические библиотеки. 2014. № 11. С. 5–28.
6. **Столяров Ю. Н.** Формирование библиотечного фонда: практическое пособие / Московский государственный университет культуры и искусств. Санкт-Петербург : Профессия, 2015. 507 с.
7. **Столяров Ю. Н.** Библиотечный фонд : учебник. Санкт-Петербург : Профессия, 2015. 383 с.
8. **Гениева Е. Ю.** Концептуальные модели библиотеки // Тринадцатая международная конференция «Крым–2006» «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» (Судак, 10–18 июня 2006 г.). Москва : ГПНТБ России, 2006.
9. **Гениева Е. Ю.** Концептуальные модели библиотеки: объект, предмет и методология исследования // Научная и техническая информация. 2006. Серия 1. № 6. С. 1–6.
10. **Рубакин Н. А.** Библиологическая психология. Москва : Академический проект ; Триеста, 2006. 800 с.
11. **Современная западная философия** : словарь. Москва : ТОН ; Остожье, 1998. 544 с.
12. **Альтшуллер Г. С.** Творчество как точная наука. Москва : Советское радио, 1979. 175 с.
13. **Циолковский К.** Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга : Автор ; Государственная типография. КГСНХ, 1928. 23 с.
14. **Циолковский К.** Гений среди людей [1918]. Москва : Б. и., 1992. 24 с.
15. **Циолковский К.** Горе и гений. Калуга : Издание и собственность автора, 1916. 9 с.

16. **Циолковский К.** Мониизм вселенной. Калуга : Калужская тип. Мосoblполиграфa, 1931. 84 с.
17. **Леонов В. П.** Новые горизонты науки о книге и библиографии // Научные и технические библиотеки. 2021. № 9. С. 115–127.

References

1. **Leonov V. P.** Izbrannoe / Biblioteka RAN. Sankt-Peterburg : BAN, 2021. 564 s.
2. **Zverevich V. V.** Universum Leonova // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2022. № 2. S. 147–163.
3. **Stoliarov Iu. N.** Istok pervy'i: mify` razny`kh narodov mira o nispolanii pis`mennosti. Bogi i geroi – izobretатели pis`ma // Stoliarov Iu. N. Istoki knizhnoi` kul`tury` / pod red. V. Ia. Rushanina ; otv. za vy`p. T. F. Berestova; Cheliabinskii` gosudarstvenny`i` institut kul`tury`. Cheliabinsk : ChGIK, 2017. S. 22–58.
4. **Nesterov A. V., Ilovai`skii` I. V.** Detonatsionnost` kak svoi`stvo bibliotechnogo fonda // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 1992. № 6. S. 7–10.
5. **Stoliarov Iu. N.** Svoi`stva bibliotechnogo fonda // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2014. № 11. S. 5–28.
6. **Stoliarov Iu. N.** Formirovanie bibliotechnogo fonda: prakticheskoe posobie / Moskovskii` gosudarstvenny`i` universitet kul`tury` i iskusstv. Sankt-Peterburg : Professiiia, 2015. 507 s.
7. **Stoliarov Iu. N.** Bibliotechny`i` fond : uchebник. Sankt-Peterburg : Professiiia, 2015. 383 s.
8. **Genieva E. Iu.** Kontseptual`ny`e modeli biblioteki // Trinadtcataia mezhdunarodnaia konferentsiia «Kry`m–2006» «Biblioteki i informatcionny`e resursy` v sovremennom mire nauki, kul`tury`, obrazovaniia i biznesa» (Sudak, 10–18 iunია 2006 g.). Moskva : GPNTB Rossii, 2006.
9. **Genieva E. Iu.** Kontseptual`ny`e modeli biblioteki: ob`ekt, predmet i metodologiiia issledovaniia // Nauchnaia i tekhnicheskaia informatciia. 2006. Seriia 1. № 6. S. 1–6.
10. **Rubakin N. A.** Bibliologicheskaiia psihologiiia. Moskva : Akademicheskii` proekt ; Triksa, 2006. 800 s.
11. **Sovremennaia zapadnaia filosofiia : slovar`.** Moskva : TON ; Ostozh`e, 1998. 544 s.
12. **Al`tshuller G. S.** Tvorchestvo kak tochnaia nauka. Moskva : Sovetskoe radio, 1979. 175 s.
13. **Tciolkovskii` K.** Volia Vselennoi`. Neizvestny`e razumny`e sily`. Kaluga : Avtor ; Gosudarstvennaia tipografiia. KGSNKH, 1928. 23 s.
14. **Tciolkovskii` K.** Genii` sredi liudei` [1918]. Moskva : B. i., 1992. 24 s.
15. **Tciolkovskii` K.** Gore i geni`. Kaluga : Izdanie i sobstvennost` avtora, 1916. 9 s.

16. **Tciolkovskii` K.** Monizm vselennoi`. Kaluga : Kaluzhskaia tip. Mosoblpoligrafa, 1931. 84 s.
17. **Leonov V. P.** Novy'e gorizonty` nauki o knige i bibliografii // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 9. S. 115–127.

Информация об авторе / Information about the author

Столяров Юрий Николаевич – доктор пед. наук, проф., главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, Научного и издательского центра «Наука» РАН, ГПНТБ России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
yn100@narod.ru

Yury N. Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy), Prof., Chief Researcher, Russian State Library; Chief Researcher, Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russian Federation
yn100@narod.ru